

Валентина Голубовская

Тема с вариациями

Сергей Рядченко
Суббота для человека
Одесса, АО «ПЛАСКЕ», 2013

О новой книге Сергея Рядченко можно кратко сказать строками Бориса Пастернака: «Здесь будет все: пережитое, И то, чем я еще живу, Мои стремленья и устои, И виденное наяву».

Все это пережитое и виденное наяву переложено на полифоническую прозу, с ритмами джазовых вариаций. И все приправлено одесским солнцем, свежестью морского ветра, острыми специями одесской речи. Нет, Боже упаси, только не теми безобразными

подделками, которые тиражируются и в кино, и в том, что язык не поворачивается назвать русской словесностью.

Слова Христа «Суббота для человека, а не человек для субботы» (Евангелие от Марка) – определили на все времена возможность этического выбора. Назвав свою книгу «Суббота для человека», Сергей Рядченко недвусмысленно подтверждает верховенство права человека над насилием закона, над несвободой.

Тема человека и несвободы развивается уже в первой повести, «Человек для субботы», заглавие которой продолжает и завершает название книги.

Эта повесть об эпохе *междустрочья*. Читать между строк, владеть эзоповым языком, откликаться на аллюзии, подтекст, понимать скрытый смысл, это все мы хорошо освоили и этим искусством свободно владели. Но не одни мы были умные в те времена. На наше множество было спущено множество другое, тех, что искали, высматривали, даже вынюхивали это *междустрочье* с помыслами – не пускать, стереть, вычеркнуть...

В стране, пестревшей лозунгами «Все для блага человека, все во имя человека», сам человек был «для Субботы». Герой повести, закованный в обносившуюся (время уже менялось!) броню партийно-чиновничьей дисциплины, совершает для него нечто невероятное. Предаётся любовным утехам в декорациях служебного кабинета, где со стен взирают строгие портреты. И когда герой ошалело понимает, что впервые в жизни «...он позволил себе...» – наступает, на мой взгляд, смысловая кульминация повести.

Совершенно иначе, неожиданно, развивается эта тема в рассказе «Кино и немцы». Мальчишки, высунувшись в окно, из своих самодельных деревянных автоматов «расстреливают» пленных немцев, работающих на стройке. А потом, нехотя, враги ведь перед тобой, весь мамин запас воды в чайнике спаивают и все мамыны пирожки скармливают голодным врагам. У них есть безошибочное оправдание – слово «конвенция», слышанное не раз от взрослых. О том, что суббота для человека, а не человек для субботы, в послевоенной Одессе они наверняка и не слышали. Но поступили по закону детского сердца и совести. Детское наитие, детская открытость и сострадание оказываются сильнее запретов.

Повести и рассказы Сергея Рядченко – это современная, динамичная, порой с приемами киномонтажа, порой философски-медитативная, порой ироничная проза. А иногда ностальгически печальная, как в повести «Одесса-мама, или Проще не бывает», когда речь идет об исчезновении, уходе к другим берегам одесской скумбрии, пожалуй, первой утрате одного из одесских «национальных» сокровищ.

...«Не верьте, что скумбрия из нашего моря вся ушла годом раньше. За один косяк в шестьдесят седьмом, в мае, я вам ручаюсь. Он вышел на нас, или мы на него, вопреки календарю, зато в угоду небывало теплomu течению и рыбацкой удаче генерала Васильца, и рыбаки наши только успевали забрасывать; махнут вверх-вниз самодуром разок-другой, ну еще разок, и тащат в лодку по пять «качалок», тугих, резвых, на солнце в радуге ослепительных, и по шесть тащат, и по восемь, а случалось, и по двенадцать – все брала рыба на снасти за раз крючки с перышком в красной нитке. Скумбрия в том косяке была не глупой, она была начисто сумасшедшей».

А может, скумбрия действительно была умной и что-то предчувствовала? И начавшийся в начале семидесятых годов исход одесситов за моря-океаны, может, исчезновение из одесского морского пейзажа привычных силуэтов «Грузии», «Аджарии», «Шота Руставели», «Одессы» и других кораблей, предметов нашей гордости и любви, как и сама скумбрия, наша морская царевна?..

...Когда на экране я вижу бокс, даже в новостях, я выключаю телевизор. Из профессиональных терминов знаю, кажется, два – ринг и нокаут, и то только потому, что они давно вышли за пределы языка спорта. И, грешным делом, дочитав «Одессу-маму...» до поединка на ринге, решила – пропущу эти страницы. Но сочная и упругая проза повести не отпускала! Потом я подумала, что полвека назад, читая впервые «Фиесту» в том черном двухтомнике 1959 года, который, как праздник, остался навсегда с тобой, двухтомник, который помнит и Сергей Рядченко, разве я была знатоком корриды?..

В той жизни, полвека назад, были Ремарк и Хемингуэй, с их героями из «потерянного поколения». А сколько в нашей истории многострадального двадцатого века сменилось «потерянных поколений»?.. Сколько сверстников Сергея Рядченко станут не по своей воле «потерянными» героями, многим из которых достались уже не «мрамор лейтенантов – фанерный монумент», а «цинковые шинели»? Об этом жестоком опыте войны с беспощадной откровенностью – в «Приземлении».

«Прошел сквозь стекло, да попал не в рай! Хоть нет моей вины, что пришагал домой, но гибну здесь, не находя ответ. А он простой».

Его шепнул мне ангел мой:

«С войны, солдат, домой возврата нет».

Сергей Рядченко обладает удивительной способностью переводить сюжеты, даже вроде бы обыденные, в сюрреалистические образы, но так как нас угораздило оказаться во времени «реального сюрреализма», то, возможно, эти тематические повороты у автора и не бросались бы в глаза его читателю. Если бы не язык, не фантастический по многообразию словарь писателя.

Ирония в разных его сочинениях приобретает неповторимую лексическую окраску. Именно неистощимый вокабулярный, припасенный для каждого сюжета, делает неподражаемыми иронические вариации автора.

Сергей Иванович Рядченко, как все филологи (медики, историки, юристы), учил в университете латинские герундии, перфекты с плюсквамперфектами. Наверное, заучивал наизусть «Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra?» и пел «Gaudeamus»... Но так виртуозно вписать «медь торжественной латыни», ее «крылатости» (словечко Олега Губаря) в искрометное повествование о своих пробуждениях, как это сделано в рассказе «Хоть vita brevis, но еще не вечер (исповедь здорового человека)»?!

Читая «Признание адепта восточной мудрости предмету своего обожания», я представила, как автор в лексических сокровищницах ищет эти пародийные, «по-восточному» цветистые сравнения для «предмета своего обожания». Так, наверное, энтомолог, чтобы не писать более правильное, но бесконечно длинное – лепидоптерофилист (не буду упоминать всуе имя Набокова!), вождельно укрепляет на планшете очередное сокровище – бабочку неземной красоты.

Вот только некоторые из этих ернических «восточных сладострастий»:

сливки моего воображения
алебастр моих касаний
халва appetitov
пестик моих устремлений
ромашка метаморфоз наших
манок моих дум
восторг нутра моего

нежный стебелек моих безумств
лепесток моего соблазна
светильник сумерек народных
витаминов моего бытия
оливка сочная вечернего мартини
горлица наших курлыканий

Стоит ли удивляться нынешнему высокому мастерству писателя, если повесть «Обратный путь», написанная им в молодости, более тридцати лет назад, и сейчас выдерживает сравнение с тем, что называется зрелой прозой? Под заглавием (в скобках) уточнение – хроника. Именно так, с маленькой буквы, сухо, буднично, без пафоса определяет автор одно из самых метафорических своих сочинений.

«Кот миновал несколько развилок, всякий раз безошибочно выбирая верное направление. Он слушал голоса звезд и предавался воспоминаниям. И совсем было размечтался, когда его, будто хлыстом по носу, огрел терпкий жесткий запах страха. Кот врос в землю и задохнулся. В ушах громыгнула кровь, а сердце заколотило в грудь так, словно ему срочно понадобилось выскочить и посмотреть, что случилось.

Среди всех запахов, которыми угощала кота земля, этот был самым страшным. Это был запах безудержной злобы и превосходства; так воняет ухмыляющийся, необоримый, вездесущий расизм...

Где-то рядом, в темноте, совсем рядом притаились Сторожевые Псы»...

Как будто написано не тридцать лет назад, а в наши хмурые времена.

На обложке своей книги «Аборигены наших берегов», изданной в Одессе в 2004 году, Сергей Рядченко написал:

«Хотелось бы литературной судьбой оправдать нехитрый постулат – из Одессы уезжать вовсе не обязательно».

Если написана и издана такая книга, как «Суббота для человека», достойно продолжающая в русской литературе «одесский текст», то «нехитрый постулат» автора оправдан.